

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЧИК ВЕДЬМЫ

УБИЙСТВА
И ЧАЕПИТИЯ

ГРЕТХЕН РЮ

перевод
Вероники Борискиной

фэнтези

МИО

Red Violet. Больше чем магия

ГРЕТХЕН РЮ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЧИК ВЕДЬМЫ

УБИЙСТВА И ЧАЕПИТИЯ

Перевод с английского
Вероники Борискиной

Москва
МИФ
2025

УДК821.111-312.9
ББК 84(7Сое)6-445.13
P82

Original title:
Steeped to Death, Death by a Thousand Sips
by Gretchen Rue

На русском языке публикуется впервые

Рю, Гретхен

P82 Книжный магазинчик ведьмы. Убийства и чаепития / Гретхен Рю ; пер. с англ. В. Борискиной. — Москва : МИФ, 2025. — 320 с. — (Red Violet. Больше чем магия).

ISBN 978-5-00214-620-8

После смерти своей любимой тети Юдоры Фиби Винчестер неожиданно становится наследницей викторианского особняка, книжного магазина и рыжего кота Боба. Возможно, в маленьком городке Рейвен Крик девушка сможет начать новую жизнь?

Однако все становится только сложнее, когда на крыльце ее магазина находят мертвого мужчину. Пытаясь разобраться в деле, Фиби узнает тайну своей тети и обнаруживает, что обладает магическими способностями, которые могут помочь найти убийцу...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)6-445.13

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00214-620-8

© 2022 by Ashley MacLennan
All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2025

*Посвящается Мускату, моей родственной душе
в обличье кота. Благодаря тебе каждый день
становится немного ярче и лучше*

Стрелка на датчике уровня топлива моего автомобиля уже настолько перевалила за нижний предел, что теперь тряслась в черной зоне за красной чертой. Как только я остановилась возле знакомого викторианского особняка, машина содрогнулась, зашипела, а затем, издав последний вздох, заглохла.

— Вы прибыли в пункт назначения, — огласил мой GPS-помощник.

— Да, спасибо. Ты заявил, что дорога займет всего пару часов, и я, разумеется, рассчитала бензин под это время. Но ты солгал. — Я забрала телефон с приборной панели и бросила его в сумочку, прежде чем взглянуть на старый дом.

Сложно злиться на GPS, когда самой следовало быть умнее. В конце концов, это не первая моя поездка в Рейвен Крик, но после почти десятилетнего отсутствия я предпочла подстраховаться и довериться технике, а не собственной памяти.

Однако мне без проблем удалось воспроизвести в памяти сам дом и время, проведенное в его стенах. С момента моего последнего визита на вид он словно

немного обветшал, но все равно оставался великолепной одой той эпохе, когда строения обладали неповторимой индивидуальностью, а не представляли собой картонные макеты, где все дома в квартале выглядели идентично, не считая разных оттенков бежевого.

Старинный дом был будто создан воображением ребенка, строящего пряничный дворец, с асимметричными деталями, башенками и турелями* по углам и потрясающими витражами конфетного цвета почти в каждом окне. Со временем бледно-голубая краска снаружи стала казаться серой, но дом по-прежнему оставался все столь же чарующим и привлекательным.

Я распахнула кованые железные ворота, на которых красовалась табличка с выбитой буквой «Б», и покатила чемодан по дорожке. Особняк располагался на холме, откуда открывался потрясающий вид на город, но из-за этого же многие местные дети считали, что в нем обитают привидения или же злая ведьма. Призраков в нем точно не было, и я могла с полной уверенностью заявить: моя тетьа Юдора не была такой уж злобной, если только сама этого не хотела. Когда я, уже успев запыхаться, подняла чемодан на лестницу, из-под пандуса появился упитанный рыжий кот и устроился на дверном коврикe, глядя на меня огромными зелеными глазами.

— Здравствуй, — поприветствовала я его. Минули годы с тех пор, как тетьа Юдора заводила кота, и тот, будучи тощим черным созданием, передвигался по дому так, словно был соткан из теней. Я не узнавала этого

* Турель — в средневековой архитектуре небольшая башенка, выступающая из стены типа консоли или установленная на крыше здания. *Здесь и далее — прим. ред.*

рыжего красавца, но, похоже, он чувствовал себя как дома. Придется потом поспрашивать, не живет ли он у кого-нибудь из соседей, поскольку с виду кот казался довольно откормленным.

— Мяу, — медленно моргая, ответил он.

— Полагаю, ты не захочешь пойти и забрать одну из моих сумок из машины?

— Мяу. — Что прозвучало как «нет». Вот так неожиданность.

Я порылась в кармане пальто, дабы найти толстый конверт, который прислал мне юрист Юдору. В нем лежала копия завещания и вся необходимая информация, чтобы оформить имущество тети на меня, единственную дочь ее брата. У меня есть старший брат, Сэм, но у них с Юдорой никогда не было той связи, что существовала между мной и тетей, не говоря уже о том, что он счастлив в браке и живет в Колорадо, так что Юдора наверняка знала, кто из нас сильнее нуждался в этом доме.

В большом конверте вместе с документами лежал и конверт поменьше со строгими инструкциями, написанными Юдорой и гласящими, что я не должна вскрывать его до приезда в Рейвен Крик.

Я потрясла большой конверт, и из него выскользнул тяжелый витиеватый металлический ключ. Мысленно отметила, что, каким бы классным он ни был и каким бы безопасным ни выглядел Рейвен Крик, настало время вложиться в покупку надежного замка для старого дома.

Отперев дверь, я не успела ступить за порог, как рыжий кот без малейших колебаний заскочил внутрь.

— Эй!

Похоже, кота совсем не волновало, что его никто не приглашал. Я занесла чемодан внутрь и, прежде чем

позволить себе погрузиться в связанные с этим местом воспоминания, еще трижды вернулась к машине, чтобы забрать остальные коробки, которые прихватила с собой из Сиэтла. Вещи из моей прошлой жизни оказались достаточно малы, чтобы уместиться в «ниссан сентра». Не уверена, можно ли считать сей факт грустным или же он свидетельствовал о невзначай выбранном мной минималистичном образе жизни.

Если я предпочитала минимализм, то тетя Юдора придерживалась максимализма. К тому времени, когда я занесла в дом последние коробки и закрыла входную дверь, мне пришлось присесть на огромную кленовую лестницу в холле, чтобы восстановить дыхание.

Сожалея о том, что по дороге сюда заехала в автокафе, чтобы выпить большую чашку кофе, благодаря которому повысила себе тревожность и ощутила необходимость найти туалет, я рассматривала знакомую обстановку в обители тетушки. Стены дома были выкрашены в мягкий оловянно-голубой цвет, но в каждой комнате сохранилась оригинальная отделка из темного дерева. Светлые стены могли бы визуально увеличить пространство, однако Юдора почти каждый свободный дюйм украсила картинами. Среди них имелись старинные портреты людей, с которыми нас не связывали родственные узы, древние картины маслом с изображением собак и лошадей, хитрых черных кошек, ворующих еду с праздничных столов, и великолепных женщин эпохи Возрождения, плачущих возле ручья. А там, где оставалось свободное место, свисали, подобно серпантину, кости животных, букеты засушенных цветов и бабочки в рамочках.

Над камином — настоящим, все еще рабочим зверем, который выходил и в гостиную, и на кухню, — висел

гобелен, копия знаменитого полотна «Охота на единорога»*. Я легко могла вспомнить, как часами сидела перед камином, глядя на гобелен и представляя, что бы произошло, открой кто-нибудь ворота для единорога.

В гостиную вошел кот и сел передо мной, его изумрудные глаза, точно крошечные драгоценности, сверкали в тусклом освещении комнаты.

— Похоже, вам здесь весьма комфортно, сэр.

— Мяу.

У меня закрались подозрения, что, возможно, на склонах лет тетушка Юдора завела себе нового питомца и просто забыла об этом упомянуть.

— Что ж, значит, придется выяснить, как тебя зовут.

Если кот принадлежал тете, то о нем явно кто-то хорошо заботился, потому как со дня кончины Юдоры прошло уже шесть недель, а питомец выглядел здоровым и счастливым. Хотя вокруг дома хватает мышей — он мог все это время кормиться сам. Однако я решила, что выяснять, принадлежал ли этот кот тетушке — а значит, теперь и мне, — сейчас не время. В данный момент следовало сосредоточиться на том, чтобы распаковать вещи и немного проветрить дом: в нем скопился затхлый, неприятный запах, поскольку особняк простоял пустым шесть недель, и я знала, что Юдоре бы подобное не понравилось. В ее владениях извечно пахло свежей зеленью, чашечкой горячего чая, тающим свечным воском и необычными благовониями.

* «Охота на единорога» — серия гобеленов конца XV века, одно из самых впечатляющих средневековых произведений искусства. На гобеленах изображены сцены мифической охоты на единорогов. Ныне оригиналы размещены в Клойстерсе — филиале Метрополитен-музея на севере Манхэттена, Нью-Йорк.

Сейчас же здесь присутствовал лишь аромат обычной пыли.

Совершив краткий осмотр комнат, я попыталась решить, где мне поселиться. Юдора относилась к тем людям, кто крайне мало времени проводил в своей спальне, считая сон необходимым злом, позволяющим поддерживать работоспособность, но не доставляющим удовольствия. Из-за этого она оставила себе одну из самых маленьких спален в доме — в любом случае я бы все равно не хотела занимать ее место.

Всего в особняке насчитывалось десять спален, хотя многие были переоборудованы в помещения для те-тушкиных растений. Как я заметила, они тоже пребывали в прекрасном состоянии, так что, должно быть, кто-то действительно присматривал за домом до моего приезда, хотя юрист Юдоры, мистер Гарлэнд, ни словом об этом не обмолвился.

Побродив некоторое время и заново знакомясь с комнатами, которых не видела целое десятилетие, я обнаружила спальню, где обычно останавливались мои родители, когда мы приезжали в гости. Это была просторная комната с очаровательной кроватью с пологом на четырех столбиках и изогнутым эркером с видом на лес и ручей, в честь которого город и получил свое название*. Я плюхнулась на край кровати, приятно удивившись тому, насколько удобным оказался матрас.

Комната, впрочем, как и весь дом, дарила ощущение уюта и располагала к себе, в ней я чувствовала себя спокойно. И подумала, что таким образом тетя посылает мне знак, которого я так ждала, дабы понять, что

* Рейвен Крик (*англ.* Raven Creek) — в дословном переводе «Вороний ручей».

нахожусь в правильном месте. Будучи детьми, мы с братом приезжали сюда каждое лето, пока родители работали. Они не могли позволить себе отправить нас в лагерь, а Юдоре нравилась наша компания. Так продолжалось из года в год, пока мне не исполнилось четырнадцать. Потом отец получил работу в Чикаго, и мы переехали так далеко, что стало невозможно приезжать сюда каждое лето. Поездки в Рейвен Крик стали очень и очень редкими, и Юдора сама предпочитала навещать нас раз в год. Вскоре после свадьбы мы с моим мужем Блейном вернулись обратно в Вашингтон, но, несмотря на то что Рейвен Крик вновь стал намного ближе, я озаботилась своей работой, друзьями и браком. Юдора часто приезжала в Сиэтл, поэтому мы оставались невероятно близки, хотя минуло уже десять лет с тех пор, как я ночевала в ее доме.

В детстве, когда я проводила здесь лето, мне нравилось оставаться на чердаке в старой детской, где я расстилала спальный мешок и раскладывала книги с игрушками по всему огромному открытому пространству. Юдора приносила мне старые коврики и одеяла, помогая строить невероятные крепости. Но сегодня, в свои тридцать пять лет, я наполнилась уверенностью, что мои бедра и спина запротестуют, если я лягу спать на полу.

Я вернулась на первый этаж за парой сумок и начала разбирать вещи. Развесив одежду в своем новом шкафу, устала на маленький белый конверт, который оставила на краю кровати. На внешней стороне ровным почерком Юдоры было выведено: «Для Фиби, чтобы она открыла его в свой первый вечер в Лейн Энд Хаусе*».

* Лейн Энд Хаус (*англ.* Lane End House) — дословно «Дом в конце аллеи».

Название Лейн Энд Хаус всегда меня забавляло. Оно казалось таким буквальным, учитывая, что особняк располагался в конце главной улицы города. Разве роскошным старинным особнякам не принято давать более интересные и убедительные названия?

Но нет, всего лишь Лейн Энд Хаус, и дом прозвали так с тех самых пор, как мой прапрапрадед построил его почти двести лет назад. К тому же в этом названии ощущалось нечто мрачноватое. Лейн Энд Хаус, словно «Дом в конце дороги». Словно, приехав сюда, вы точно понимали, что здесь ваша последняя остановка.

Мои губы тронула улыбка. Юдоре бы пришлось по душе эта мрачная мысль. Тетя обожала слушать, как дети шептались о доме с привидениями и живущей в нем ведьме. Ей нравилось ощущать себя героиней легенды, частью чего-то большего, чем она сама, даже если местные дети думали, будто тетушка собирается обратить их в жаб или что-то в этом роде.

Я закончила укладывать одежду, взяла письмо и направилась на кухню. Если где-нибудь в доме и можно было прочесть последнее обращение Юдоры ко мне, так это на кухне.